

ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ

КУДА
УХОДИТ
КУМУТКАН

Евгений Рудашевский
Куда уходит кумуткан

ИД "КомпасГид"

2016

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2=411.2)6-44

Рудашевский Е.

Куда уходит кумуткан / Е. Рудашевский — ИД "КомпасГид",
2016

ISBN 978-5-00083-163-2

Кумуткан – это неопытный детёныш байкальской нерпы, которому отовсюду грозит опасность. И главный герой повести, тринадцатилетний Максим, похож на кумуткана, когда мама, оставив его, уезжает на буддийские учения. В то же время сводная сестра Аюна называет себя потомственной чёрной шаманкой, а родной дедушка, бывший полярник, судя по всему, нарочно ловит нерп для каких-то страшных опытов... Повесть Евгения Рудашевского насыщена контрастами, она рассказывает о жизни современных иркутских подростков, о многонациональном колорите сибирских дворов – и захватывает читателя так, что вынырнуть из неё удастся, лишь перевернув последнюю страницу. Детство как время приключений, двор как поле битвы, экзотика, ставшая для героев обыденностью, – всё это знакомо по советской классике, будь то «Детство Чика» или «Бронзовая птица». Только искандеровские хулиганы никогда не назовут свой шалаш «Минас Моргулом», а рыбаковские пионеры не будут копать в собственных чувствах, искать в интернете адрес исчезнувшего отца. Молодой писатель Евгений Рудашевский (родился в 1987 году), лауреат «Книгуру» и других премий, по-журналистски скрупулёзен: если в книге «Здравствуй, брат мой Бзоу!» бережно вырисован абхазский быт, то в повести «Куда уходит кумуткан» с большим вниманием к деталям описаны бурятский фольклор и повадки байкальских нерп. Автор сам несколько лет работал в иркутском нерпинарии и пишет об этих удивительных животных с любовью и знанием дела. Но важнее редких фактов – богатый, живой язык: продолжая лучшие традиции подростковой прозы, текст Евгения Рудашевского вбирает в себя многие современные реалии, превращая обильный поп-культурный сор в литературу, имеющую право на долгую жизнь. А экспрессивные иллюстрации Петра Захарова делают книгу изданием, достойным пополнить библиотеку самого требовательного читателя.

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00083-163-2

© Рудашевский Е., 2016

© ИД "КомпасГид", 2016

Содержание

Предисловие	7
Часть первая. Бурхан	8
Нерпёнок Тюлька	9
Семья Савельевых	11
«Бурхан»	16
Саурон жив	22
Письмо. 10 февраля	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Рудашевский Куда уходит кумуткан

© Рудашевский Е. В., текст, 2016

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2016

* * *

Посвящается толстушке Несси – байкальской нерпе, с которой я дружил и работал два удивительных года.

Кумуткан – юный, впервые перелинявший щенок байкальской нерпы.

Да обретёт вся земля совершенную чистоту, да станет она ровной, как ладонь, гладкой, как лазурит.

Да будет счастливо всякое существо. Да будет всякое существо избавлено от страданий.

Предисловие

Пожалуй, впервые я встретил книгу, которая начинается с таких слов: «Посвящается толстушке Несси – байкальской нерпе, с которой я дружил и работал два удивительных года».

«Так, – подумал я, – значит, буду читать про жизнь нерпы. Что ж, тоже интересно!» Но уже через несколько страниц я с удивлением обнаружил, что ошибся. Подводным жителям замечательного сибирского озера Байкал автор посвящает немало страниц, но сама-то книга – про людей, которые живут рядом с этим великим озером. Про детей и взрослых, которые так похожи на жителей других городов и всё же во многом живут иначе.

Там, вокруг Байкала, уже много лет, а может быть и веков, существует удивительная смесь нескольких народов. И если у русских – своя вера, то у бурят, например, вера тоже своя – буддизм. С непривычными для приезжих людей традициями. И почти в каждой прибайкальской семье кто-то из родственников – русский, а кто-то – бурят или тувинец. Правда, к этому все давно привыкли, и никто не удивляется. Даже такая редкая смесь родственников, как у главного героя повести, школьника Максима, тоже никого не удивляет. А среди предков у него русские, белорусы, украинцы, буряты, тувинцы. И сводная сестра Максима, который считается русским, – бурятка. И они замечательные друзья. Действуют заодно как в разных играх, так и в серьёзных делах. А серьёзные дела у них такие: они стараются сберечь родную природу. И даже чуть не погибли, спасая выловленных маленьких нерпят посреди байкальских льдов.

Однако главное даже не в том, что автор подробно рассказывает об их жизни (хотя и это очень интересно: жизнь в тех краях кажется весьма необычной жителю средней России, например), а в том, что книга эта – про самое важное. Про то, ради чего живут люди: и взрослые и дети. Про смысл их жизни. Ведь стоит оглянуться вокруг, и увидишь каких-то людей, которые живут кое-как, впустую. Но встретишь и других, жизнь которых наполнена внутренним смыслом. Благодаря им уже тысячи лет всё человечество живёт и развивается. Таких людей можно встретить всюду: они могут жить в столице, а могут – и очень далеко от неё, могут быть не только взрослыми, но и детьми или подростками, как, например, герои этой книги.

И читать про их жизнь, и взрослую и детскую, – про их разговоры друг с другом, про их заботы, радости и печали – очень и очень интересно. Я, например, читал эту книгу, не отрываясь, постоянно переживая за её героев. Поэтому и вам советую тоже обязательно её прочитать.

Валерий Воскобойников, писатель

Часть первая. Бурхан

Нерпёнок Тюлька

Нерпёнок опять убежал. Цепляясь передними лапами за снежный наст, он быстро подтягивался вперёд. Могло показаться, что он спешит к себе в логовище, но его ждала лишь ледяная пустыня Антарктиды. Нерпячий улус с его заботливыми мамашами и беспокойными сеголетками остался далеко позади. Нерпёнок даже не оглядывался, настойчиво полз к береговым завалам.

Молодые полярники, недавно прибывшие на станцию «Молодёжная», удивлённо наблюдали за ним издали. Вчера они впервые увидели этого нерпёнка и тогда решили, что он заблудился. Даже взрослые нерпы боятся материка, держатся на морском льду – от берега его отделяет снежная гряда. На материке нерпе делать нечего, там не найти ни полыньи, ни отнырка, и рыба там, конечно, не водится.

В Антарктиде начиналась ранняя весна. Это было шумное время «детских садов». Пингвины собирали себе гнёзда. Материала на всех не хватало, и стоило одному пингвину отвлечься, как другой подбегал, чтобы стащить у него несколько камней. Пингвин, заметив пропажу, устраивал громкий скандал. Ворча и ругаясь, бросался за воров в погоню. Остальные отвлекались от забот и с интересом следили за происходящим в ожидании драки.

Прилетало всё больше птиц. Вслед за поморниками появились снежные буревестники, они готовились к дальним странствиям по южному континенту в поисках мест, где можно отложить яйца и вырастить птенцов. На плавучих льдинах чаще встречались морские львы и морские слоны. Жизнь в Антарктиде пробуждалась.

В нерпячем улусе нерпята ползали у проталин, учились нырять в ледяную воду. Мамаши отпугивали от своих логовищ соседей и обеспокоенно следили за малышами. Заметив приближение снегоходов, нерпы попрятались. Это полярники привезли юного путешественника. Они были бы рады отдать его по адресу, но должны были просто оставить вблизи от полыньи, надеясь, что он сам отыщет свою семью.

И вот на следующий день нерпёнок опять ушёл к материку. Бросил улус, уютное логовище и юных друзей. Вместо того чтобы жмуриться на солнце, валяться на ковре из линной шерсти и слушать, как за снежной стенкой плещутся взрослые нерпы, он ушёл в одинокую неторную пустыню.

Полярники не могли этого объяснить и не знали, что делать. Теперь говорить, что малыш заблудился, было бы глупо. Он намеренно покинул свой дом и полз к берегу.

– Но зачем? Что ему нужно в этом безжизненном краю? – не унимался один из полярников.

Ему никто не ответил.

Решили, что у нерпёнка погибла мать, сочувствия у соседей он не нашёл, поэтому отправился искать иной приют. Но это не объясняло интереса малыша к материку. Он мог бы уйти дальше по морскому льду и там учиться охоте в одиночестве.

Полярники взяли нерпёнка на станцию. Привезли его на снегоходе и первым делом познакомили с местным псом. Пёс Механик, названный так за любовь к машинам, знакомству обрадовался. Лаял, вилял хвостом и внимательно обнюхивал серо-жёлтую шерстку нового друга.

Нерпёнку дали имя. Тюлька. Тут же отметили его именины – торжественно открыли консервы с тушёной говядиной. На этом празднике грустным оставался лишь сам Тюлька. Ни мясо, ни молоко, ни рыба его не заинтересовали. Псу пришлось всё подъедать за своим другом. Впрочем, он не возражал.

– Что же нам с тобой делать? – вздыхали полярники.

Прятать Тюльку на станции было бы трудно, и они рассказали обо всём старожилам «Молодёжной», надеялись, что те приветят нерпёнка, разрешат ему остаться и, быть может, придумают, как его развеселить.

Узнав историю Тюльки, старожилы нахмурились.

– Отвезите его обратно, – сказали они.

– К другим нерпам?

– Нет, на берег. Туда, где вы его нашли.

– Но зачем? Там ничего нет! Он погибнет!

– Он и так умирает, – ответили старожилы.

Они рассказали, что старые и больные нерпы, предчувствуя смерть, покидают сородичей. Одолевают береговые завалы и уходят вглубь Антарктики – на ледниковые купола. Там, в одиночестве, среди снегов и вьюжных ветров, находят последнее пристанище.

Исследователи из антарктических экспедиций видели замёрзшие тела нерп высоко в горах Белого континента, за многие километры от моря. Никто не мог этого объяснить. Никто не понимал, почему предчувствие смерти влечёт их в ненастную пустоту.

– Вот и ваш Тюлька, судя по всему, болен. Чувствует это. Знает, что ему осталось недолго, поэтому ищет тропу своих предков – ту, что приведёт его на один из ледниковых куполов. Вы не смотрите, что он сеголетка. Тюлька давно старик, хоть не прожил и двух месяцев. Ему и так непросто, а вы своей помощью только усложняете его путь.

Молодых полярников поразил этот рассказ. Они больше не спорили. Дали Механику проститься с Тюлькой и отвезли его назад, к берегу. Затем, посоветовавшись, перенесли нерпёнка на несколько километров, чтобы восполнить потерянные им два дня пути.

– Может, закинем его подальше? До куполов отсюда далековато.

– Нет. Он должен сам.

Полярники приехали сюда на следующий день. Они до последнего мгновения сомневались в истории старожилов. Надеялись, что Тюлька одумается и захочет вернуться домой, в уютное, защищённое логовище. Но Тюлька неизменно полз вперёд.

Похудевший, слабый, с пеной на мордочке, он упрямо подтягивался на передних лапах. Его серая меховая шубка обвисла, поистрепалась. На людей нерпёнок не обратил внимания. Слепо и настойчиво смотрел куда-то в глубь континента. Туда, где его ждали одинокие предки.

– Прощай, Тюлька.

Полярники больше не тревожили его. Уехали и уже не возвращались.

О судьбе Тюльки Максим узнал ещё в первом классе. Пересказывал эту историю её друзьям и одноклассникам, однажды вовсе написал по ней сочинение. Одним из тех молодых полярников был его дедушка – учёный, больше года проработавший в Антарктике.

Максим знал и другие истории. В этом не было ничего удивительного. Вернувшись из Антарктики, его дедушка изучал байкальских нерп и даже построил в Иркутске свой нерпинарий. Там несколько лет проработали и мама Максима и его дядя. Поругавшись с дедушкой, они уволились, но о любви к животным не забыли. Мама устроилась администратором в приют для бездомных собак, а дядя – ветеринаром в иркутский цирк.

Максим и сам мечтал работать с животными. Только не мог определиться с какими. В первом классе он подумывал о морских свинках. В пятом – о китах. Теперь, в седьмом, склонился к дрессировке морских львов.

В декабре 2004 года, заболев воспалением лёгких, Максим лежал в кровати, прислушивался к своему разгорячённому телу и говорил Аюне, своей сводной сестре, что представляет себя Тюлькой, шептал ей о таинственных куполах Антарктики. Ребята и не подозревали, что через несколько месяцев сами станут участниками не менее увлекательной истории, что она случится на весенних каникулах среди заснеженных льдов Байкала. Вот только рассказывать её одноклассникам и писать о ней сочинения они не захотят.

Семья Савельевых

Максим ещё не родился, когда его родители разошлись. Отчество – единственное, что осталось ему от отца, и оно Максиму совершенно не нравилось. Панкратович. Имя «Панкрат» казалось ему необычайно глупым.

– Хорошо хоть, фамилия – мамина, – жаловался он другу Саше. – «Савельев» звучит прилично.

Саша соглашался, и они с Максимом выдумывали страшные фамилии, которые могли достаться ему от отца. Больше всего им нравился вариант «Японакабасеткин». Настоящей фамилии отца Максим не знал.

Мама говорила, что он напрасно возмущается, в их семье встречались имена и похуже «Панкратовича». Это в самом деле было так.

Семья у Максима была большой. Его генеалогическое древо получилось самым разветвлённым из всех сорока древ в классе. Это отметил даже учитель истории.

Ветвь дедушки, Виктора Степановича, была длинной, до четвёртого колена. Она началась с Петра Ивановича – прапрадедушки Максима. Он родился в 1886 году и всю жизнь работал волгарём, то есть судовым рабочим на грузовых баржах, ходивших по Волге. Пётр Иванович был женат на татарке Айгуль Фаритовне. Этим браком ограничивалось национальное разнообразие Савельевых.

Ветвь Дамбаевых, по бабушке, была интереснее. Дулма Баировна, бабушка Максима, была буряткой по отцу и украинкой по матери. Её первым мужем был тувинец. От этого брака осталась дочь со странным тувинским именем Ай-кыс. Вторым мужем стал Виктор Степанович – дедушка Максима.

– Почему же я русский? – спросил Максим, просматривая генеалогическое древо и вновь удивляясь тому, что даже прабабушка, обозначенная украинкой, родилась в белорусском Гродно.

– Не знаю, – мама пожала плечами. – Наверное, вся эта мешанина и делает тебя русским. Максим не понимал этого.

Семья у него была большой, но собиралась вместе только на Новый год, в квартире Виктора Степановича. Собираться чаще им мешало расстояние. Почти все жили в разных городах. Даже бабушка Дулма Баировна жила отдельно от дедушки, в Улан-Удэ. Их младшая дочь – тётя Таня – и вовсе женилась на французе и переехала в далёкий городок с аппетитным названием Ла-Сен-сюр-Мер.

– Не женилась, а вышла замуж, – всякий раз поправлял Максима его дедушка.

Этого Нового года Максим ждал с особенным волнением: к ним в гости собиралась тётя Ай-кыс. Можно будет похвастать перед друзьями – показать им паспорт тёти, чтобы они наконец поверили рассказам о её полном имени: «Ооржак Ай-кыс Алдын-ооловна».

– Она тоже русская? – не унимался Максим.

– Откуда я знаю, – устало отмахивалась мама.

Потом добавляла:

– Русская, русская. Все мы давно русские.

Новый год проходил спокойно. На три дня Дамбаевы и Савельевы забывали о ругани, которая была ещё одной причиной того, что семья не собиралась чаще. Даже на расстоянии все были недовольны друг другом, и любая встреча, кроме новогодней, заканчивалась размолвкой.

В канун праздника дедушка поругался с мамой – узнал, что Максима, заболевшего воспалением лёгких, не положили в больницу. Вместо этого пригласили тибетского врача. Ирина Викторовна полностью доверила ему лечение. Дедушку возмутила сама личность доктора, но, чтобы объяснить это, придётся заглянуть в те годы, когда Максим был ещё маленьким.

В последние десять лет у его мамы было три мужа. В официальный брак она не вступала, но отчего-то называла их именно мужьями. Первого Максим помнил смутно. Из маминых слов знал только, что они жили бедно.

Мама и её первый муж собирали черемшу, плели корзинки и *туески*¹, лепили из глины нерпят и продавали всё это на вокзале. Заработка едва хватало на еду. В садик Максима отводили длинным, кружным путём – отправившись напрямик, они бы неизбежно попали на рынок, а там Максим канючил сметану. Денег на сметану не было.

Ирина Викторовна хотела жить самостоятельно и помощи ни у кого не просила. Однако, расставшись с первым мужем, всё же переехала к родителям. Дедушка тогда жил с бабушкой и младшей дочерью. Дулму Баировну поразило то, что по ночам Максим пробирался на кухню – таскал сухари из сухарницы, прятал их себе под подушку, а потом тихонько грыз. Его кровать всегда была полна крошек. Бабушка объясняла ему, что он может есть сухари когда захочет, может даже окунать их в сметану. Максим так и делал, но всё равно держал небольшой запас под подушкой.

Следующим мужем был Слава. Максим с мамой переехали к нему в центр Иркутска – там он снимал комнату в деревянном доме. Комната была до потолка уставлена стопками книг. Шкафов в ней не было, одежду складывали в картонные коробки Premium bananas.

Слава увлёк Ирину Викторовну буддизмом. В комнате курились благовония, звучали *мантры* и горловые песни Славиных друзей. Максим пытался им подражать, но, по словам мамы, у него получалось что-то похожее на гневные хрипы толстого сулика. Здесь же, в комнате, останавливались *ламы* – «учителя» из Индии, Бутана и Непала. Они были молодыми, но о них заботились как о почтенных старцах: уложив на матрас, окружали фруктами, окуривали чабрецом, по первому слову несли чай с молоком и сладости. Мама массирувала им ступни и просила Максима не шуметь – учителям нужно было отдохнуть перед лекцией.

Затем начались выезды на учения в Бурятию. Мама брала Максима с собой. Он был этому рад, потому что ученики несли ламам подношения из пряников, халвы и *цампы* – ячменных шариков. Сами ламы всё это съесть не могли, и детям разрешалось забрать часть подношений себе.

Максим зачарованно следил за тем, как мама вместе с другими учениками простирается перед ламой, как повязывает на голову красную повязку и, сидя по-турецки, неспешно раскачивается в ритме таинственных бормотаний.

Мама не объяснила, почему рассталась со Славой. Просто сказала Максиму, что нужно собрать игрушки и готовиться к очередному переезду. Они опять вернулись к бабушке, который был рад этому расставанию. К тому времени Виктор Степанович жил один. Его раздражали словечки, которые Максим перенял от Славы. Дед всякий раз вздрагивал, услышав от внука «хужее», «иначе» с ударением на первый слог, «япона мать» или «лютое адище». Максиму нравилась реакция бабушки, и он старался почаще «выражаться» в его присутствии. Вскоре пришлось от этого отказаться. Единственным словечком от Славы осталось бурятское «хамааугуй», означавшее «мне всё равно». Виктор Степанович считал, что говорить так неприлично, но молчал, так как сам порой говорил по-бурятски «Садхалан, баярла», то есть «Спасибо, я наелся». Как настоящий бурят, похлопывал себя по животу и этим веселил окружающих. Бабушка, потихоньку от него, говорила внуку, что настоящее «спасибо» по-бурятски – это отрыжка:

– Чем громче, тем лучше!

Третьим отчимом Максима стал Никита – эмчи-лама, то есть доктор тибетской медицины. Он окончил *сельский университет Даши Чайнхорлин* и с тех пор занимался исключительно врачеванием. Максим с мамой переехали к нему в Улан-Удэ.

¹ О понятиях, напечатанных курсивом, можно подробнее прочитать в специальной главе в конце книги.

Возвратившись из школы, Максим следил за тем, как отчим принимает посетителей. Никита прикладывал к их запястью три пальца, слушал пульс и так определял, чем они больны. Если болезнь пряталась и не желала говорить о себе в биении сердца, Никита отправлял посетителя в городскую больницу – за рентгеном или анализом крови. Поставив диагноз, назначал травное лечение. В праздничные дни он по лунному календарю высчитывал, каким цветом делать обереги хий морины – буддийские флажки с изображением коня.

По всей квартире эмчи-ламы были развешаны сохнувшие травы, свиные жёлчные пузыри, коровьи жилы и олени рога. Максим затаённо ходил под ними, представляя, что попал в пещеру горного тролля. Всюду стояли баночки с порошками, орехами и самодельными пилюлями. В больших канистрах хранились растения, названия которых Максим старательно вычитывал – надеялся найти среди них волшебные. В морозильнике, в одной камере с пельменями, неизменно лежал поднос с вымороженной свиной кровью, больше похожей на взрыхлённую почву.

Летом и осенью эмчи-лама на осликах уезжал в Баргузинскую долину собирать травы и коренья. Брал с собой Максима, если тому не мешали школьные занятия. Мама оставалась в Улан-Удэ, работала продавщицей в промтоварном магазине.

Ночёвки под открытым небом в холмистой степи нравились Максиму, несмотря на то что Никита за любую провинность порол его крапивой. Порол сильно, но без страсти. Максим плакал тихо, без криков.

Они с Никитой жили в домике возле Цугольского дацана². Приезжие хуваки³ и местные ламы собирались у них по вечерам. В сумраке свечей громко молились, били в медные чаши, бренчали колокольчиками, разбрызгивали по стенам водку и разбрасывали щепотки риса – так делали подношения духам. Максим лежал в углу на кушетке и наблюдал за происходящим сквозь дымку благовоний. Боялся пошевелиться, чтобы не привлечь внимание духов. Представлял, что они сейчас пасутся под стеной, собирают крупу, обломки печенья и над чем-то злобно хихикают.

Когда молитвы становились особенно громкими, когда Никита в хмельном беспамятстве начинал мотать головой, дёргать руками, Максим убегал из дома. Прятался в сарае. Знал, что в таком состоянии эмчи-лама может выпороть его ремнём или линейкой. Они были хуже крапивы. В сарае было холодно, но Максим проводил там всю ночь. Прижимался к берёзовой поленице, укрывался куском брезента. Представлял, что лежит в подземной каморке, куда не добраться ни человеку, ни дикому зверю.

Рассказы о порке и ночёвках в сарае ужаснули маму. Максим говорил о них с воодушевлением и удивился, заметив, что мама плачет. Через неделю они вернулись в Иркутск.

Несмотря ни на что, мама по-прежнему дружила с Никитой. Когда Максим заболел воспалением лёгких, она обратилась именно к нему. Это и возмутило бабушку. Максим глотал горькие настойки и слушал, как они ругаются в соседней комнате.

Первое время после возвращения из Улан-Удэ Ирина Викторовна с сыном жила у отца, в микрорайоне Солнечный. Устроившись администратором в приют, она с Максимом переехала в съёмную комнату на Лисихе. Но вскоре они опять вернулись в Солнечный – мама сошлась с новым мужчиной. Им стал Жигжит, отец Аюны.

– Опять двадцать пять, – вздохнула бабушка, узнав об этом.

Дедушка только махнул рукой. Устал спорить с дочерью о её мужчинах. Он был наслышан о Жигжете – *шамане* из древнего бурятского рода, всю жизнь прожившем на берегу Байкала, а теперь переселившемся в Иркутск.

² Дацан – буддийский монастырь, в котором живут и учатся монахи.

³ Хуварак – студент буддийского университета.

Обратиться к тибетскому врачу посоветовал именно Жигжит. Он хорошо знал Никиту и доверял ему. Собственно, Никита в своё время познакомил его с мамой Максима.

Жигжит тоже был врачом, но брался лечить только сложные заболевания. Говорил Максиму, что в болезнях человека виноваты злые духи – они мстят ему за грехи или пакостят из обыкновенной вредности.

– Духов нужно задобрить. Сделать им подношение или накормить кровью барашка, тогда они отступят, – говорил Жигжит, а Максим, затаившись, слушал.

Называть его «папой» он не захотел. Но Жигжит был явно лучше предыдущих отцов: тихий, крапивой не порол, на маму не кричал и всегда пах чабрецом.

Долгие споры закончились тем, что Максима положили в больницу. Виктор Степанович позаботился о том, чтобы его внук лежал в отдельной палате. В итоге Максим скучал все десять дней – прислушивался к тому, как в общей палате смеются другие дети, ждал болезненных уколов и читал буддийские книжки, которые ему приносила мама.

К Новому году он окончательно выздоровел, и последние споры стихли. Началась подготовка к празднику. Приехали тётя Таня и бабушка Дулма. Нужно было плести из бумаги гирлянды, вить из ваты снежинки, развешивать игрушки на ёлке. На кухне просеивали черёмуховую муку для торта. Пахло багульником и смородиной. Бабушка достала из шкафа «НЗ» – «неприкосновенный запас», хранившийся для особого случая, – банку с вареньем из жимолости. Все вместе лепили пельмени. Максиму по бурятской традиции разрешили в один пельмешек положить девять горошин перца. Тот, кому она попадётся, будет счастлив весь год. Дулма Баировна, смеясь, говорила, что в настоящей бурятской семье в счастливую пельмешку набирают не перец, а навоз.

– Вот это я понимаю, счастье! А тут – перчик какой-то. Съешь и не заметишь, – смеялась она.

Главное правило никто не нарушал, в праздничной гостиной все были веселы и миролюбивы. Ругаться разрешалось только в уединении и тихо. В кабинете Виктор Степанович отчитывал младшую дочь, уже получившую французское гражданство, за то, что она хочет сдать российский паспорт, – предлагал спрятать его и при случае использовать. В спальне Дулма Баировна ругала старшую дочь за неожиданную любовь с шаманом: «Тебе мало нормальных мужиков? О сыне подумай!» На балконе жена дяди Егора ругала его за низкую зарплату, просила уйти из цирка в частную ветеринарную клинику. Дядя Егор молчал и ожесточённо рубил баранью тушу, купленную и уложенную на балкон специально под Новый год.

Мама, тётя Таня и жена дяди Егора возвращались в гостиную заплаканные, но улыбающиеся. С ходу о чём-то шутили, просили сделать музыку погромче и шли к детям, помогали им распутывать гирлянды.

Чем ближе был праздник, тем короче становились ссоры в комнатах и на балконе. Под новогоднее настроение забывались обиды. Можно было со смехом обсуждать и отъезд бабушки в Улан-Удэ, и шаманские истории Жигжита, и даже низкую зарплату дяди Егора.

Своего паспорта тётя Ай-кыс не дала, но разрешила Максиму подводить к ней друзей, чтобы они могли спросить о её полном имени. Максим был доволен и этим.

Он и Аюна ещё не знали, что главное для них событие произошло в кабинете дедушки. Там Ирина Викторовна сказала отцу, что в конце марта уедет в село Курумкан. Она задумала уйти в *retirée*. Это означало, что Ирина Викторовна поселится в дощатой палатке и две недели будет сидеть там в одиночестве: молиться, перебирать деревянные чётки и думать о скорбной участи всех живых существ. Утром и вечером буддийские монахи будут в узкое оконце передавать ей плоску несолёного риса и кувшин воды.

Мама хотела, чтобы дедушка на это время приютил Максима и Аюну. У них начнутся весенние каникулы, а Жигжит уедет на собрание бурятских шаманов – оно пройдёт на острове Ольхон. Можно было бы отправить детей с ним, но он просил не делать этого. Дедушка отве-

тил, что и сам в марте переселится в Листвянку, на берег Байкала, займётся там своей монографией о жизни нерп, но в конце концов согласился взять детей с собой. Если б мама знала, чем обернётся эта поездка, она бы, пожалуй, отправила их в Улан-Удэ, к бабушке. Но о том, какие приключения ждут ребят на Байкале, не догадывались ни мама, ни дедушка, ни Аюна с Максимом.

«Бурхан»

- Чего звонишь-то?
- Чего-чего... Красная тревога, – торопливо ответила Аюна. – Иду к ущелью.
- Я сейчас не могу... – протянул Саша.
- Ничего не знаю.

Аюна положила трубку.

Красная тревога означала, что к «*Бурхану*» должен явиться хранитель карты. Саше предстоял нелёгкий путь – через весь Городок, по окраине Котла, затем – по сугробам Рохана, в опасной близости от «Эдораса». Правда, рохирримы в эти дни встречались нечасто. Большинство из них зимой забывало о штабе, предпочитало играть в хоккей.

Ребята жили на окраине Иркутска, в микрорайоне Солнечный, построенном на полуострове Иркутского водохранилища. Здесь у каждого двора было своё особенное название.

Двор, в котором жили Саша, Максим и Аюна, назывался Городком. С ним граничили шесть дворов: Бутырка, Пустырь, Мордор, Стекляшка, Котёл и Рохан. Чуть подальше были Аграба, Болото, Неверхуд и другие. Во дворах стояли свои независимые штабы. Их строили из фанеры, картонных коробок, полиэтилена, шифера – всего, что удавалось натаскать с помойки. Штабы были небольшими, в них едва умещались четыре человека. В больших компаниях внутрь допускался только вождь и его лучшие друзья, остальным дозволялось лишь заглядывать в окошко или люк.

Названия для штаба брали из фильма или компьютерной игры. Предпочтение отдавали «Властелину колец», «Червячку Джиму» и «Скале» с Николасом Кейджем. Если поиграть в «Червячка Джима» удавалось только избранным обладателям приставки Sega, то кассета с «Братством кольца» лежала в каждой квартире – её пересматривали по нескольку раз в месяц. Рекордсменом был Владик из Мордора, видевший «Братство кольца» сорок шесть раз и знавший наизусть почти все диалоги. Он даже выучил несколько слов на чёрном наречии, которые особенно зловеще звучали на собраниях «Минас Моргула», названного так по крепости главного злодея из мира Толкиена.

– Минас-чего? – вздыхала мама, когда Максим пытался ей всё это объяснить.

– Минас Моргула! – повторял Максим, понимая, что мама всё равно не запомнит дворовых названий и никогда не разберётся в населяющих его народах.

Сердцем каждого штаба была «фишка». Под «Эдорасом» рохирримы выкопали яму. Настоящий двухметровый колодец, на дно которого вела деревянная лестница. Вся жизнь рохирримов проходила в этом пахнущем влагой и плесенью колодце, а верхний этаж, сколоченный из фанеры, был чем-то вроде маскировочного колпака. На стенах висели старые половые тряпки, они прятали бахрому корней и сыпучие борозды в земле. Внизу лежали матрас и связки коричневого поролона. Мечтой рохирримов было прорыть тоннель, как можно более глубокий и широкий, чтобы сделать в нём тюрьму – запереть туда мальчишек из других штабов.

В Городке стоял VX2. Его построили вокруг берёзы. Единственный штаб, в котором можно было встать в полный рост. На крыше у него был деревянный люк, от которого почти до самой макушки берёзы тянулась верёвочная лестница. Она вела к сидушке на дереве, откуда просматривался весь двор.

В «*Баргузине*» на Пустыре пол был выложен крышечками от газировки. «Паслён» из Колодца был украшен настоящими дорожными знаками. Папа паслёночного вождя работал в ГАИ. Стены «Минас Моргула» из Мордора были покрыты наклейками из «Властелина колец». Их покупал Владик. Его прозвали Богатеньким Ричи. Владик хвастал, что у него даже в туа-

лете есть телефонная трубка, что в его квартиру провели две телефонные линии, одну – для интернета:

– И заметьте, это незаконно. Нельзя сразу два телефона в одну квартиру. Но папа договорился. Вот так.

Именно Владик обеспечивал «Минас Моргул» запасом пульек, покупал им пистолеты, а прошлым летом повесил там новенький дартс. Бросать дротики на полтора метра было неудобно, но мордорцы не переставали хвастать, что проводят у себя соревнования по дартсу, на которые не пускают посторонних. Несмотря ни на что, над Владиком смеялись. Даже в «Минас Моргуле» считали, что у него изнеженное девчачье лицо. В штаб его пускали только из-за наклеек, пульек и дартса.

Пульки и пистолеты брали на войну. Все штабы воевали против всех. История Солнечного не знала ни одного союза. Ребята опасались, что вслед за первым союзом последует второй, со временем войны прекратятся, а значит, и штабы будут не нужны. Останется только разрисовать асфальт квадратами, надеть юбки и с глупым видом прыгать вслед за девчонками. Так сказал Сёма из «Минас Моргула», когда далёкая «Сопка» предложила ему объединиться для совместной атаки на «Паслён».

Именно «Минас Моргул» впервые заставил другой штаб платить дань. Правда, дань они собирали с «Карусели» – штаба, построенного первоклашками из картона и веток. Это был скорее шалаш, чем штаб. Он стоял недалеко от двадцать второй школы, возле китайского общежития. Сёма случайно наткнулся на «Карусель». Он и не думал связываться с малышнёй, хотел только заглянуть внутрь – на случай, если там найдётся что-то интересное, но тут же получил по ногам два выстрела из *духарика*. Рябина перепачкала ему штаны, и Сёма рассвирепел. Хотел разнести «Карусель», но вместо этого договорился с его обитателями, что они каждую неделю будут передавать в «Минас Моргул» упаковку цветных пульек. Пообещал им защиту от врагов, если такие найдутся, и даже помог укрепить стены кусками фанеры.

Когда «Карусель» впервые запросила помощь, из Мордора выдвинулась армия. Впереди шёл Сёма с новеньким автоматом и запасом чиркашных петард – такие не нужно поджигать, достаточно чиркнуть о спичечный коробок. За ним нестройным шагом шли ещё пятеро мальчишек. Они были уверены, что на их вассалов напали ребята из «Паслёна», и готовились к настоящей войне. Братья Нагибины надели наколенники и налокотники. Карен вместо щита взял алюминиевую крышку от ведра. А Мунко, больше известный как Пеле, нацепил на голову старый хоккейный шлем. Но воевать ни с кем не пришлось. Первоклашкам из «Карусели» наскучило быть единственным малышнёвым штабом, и они разделились. Построили ещё один штаб напротив старого и стали обстреливать друг друга из духариков и плевалок. «Паслёном» тут и не пахло. Недолго думая Сёма взорвал две петарды, для острстки пустил из автомата короткую очередь и объявил войну оконченной. Заодно обложил данью новый штаб.

Целью штабной войны было уничтожить вражескую фишку. В «Эдорасе» нужно было обвалить колодец, в «Баргузине» – расковырять пол из крышечек, в «Минас Моргуле» – содрать наклейки. При штурме использовали весь боевой арсенал. Закидывали петардами, обстреливали из рогаток и даже пуляли огнями из фейерверков. До настоящих драк доходило редко. Мальчишки сходились стенка на стенку, толкались, обзывались, обменивались вежливыми пинками, но кулаков не поднимали.

Открытое противостояние чаще всего заменяли мелкие диверсии. Можно было обмазать вражеский штаб собачьими какашками, бросить в открытый люк коробок с тараканами, пакетик с мочой или бомбу-вонючку из тлеющих семечек в фольге. После этого нужно было бежать во весь опор и как можно дальше. Во дворах Солнечного все привыкли к погоням. Не удивлялись, увидев, как один мальчишка, давясь от смеха, несётся прочь, а за ним летят другие, красные от злости и перепачканные чем-нибудь неприятным.

Диверсии бывали и крупными. В стену вражеского штаба закладывали бутылку с водой и карбидом, большие новогодние петарды или самодельную взрывчатку из пороха и спичечных головок. После одной из таких диверсий сгорела «Ранетка» – первый и последний девчачий штаб. Он стоял на окраине Городка, возле ранетного сада. Его стены были выкрашены яркой оранжевой краской, но во всём прочем он не отличался от других штабов. Фишки у него не было. Не успела появиться. Войну «Ранетка» никому не объявляла, нападать ни на кого не хотела. Девчонки просто сидели внутри, пили чай, ели печенье и поглядывали в окошко. Всех это раздражало. Не сговариваясь, другие штабы стали по очереди нападать на «Ранетку». Так и сожгли. Кто-то облил её бензином. Подумал, что огнём напугает сидевших внутри девчонок. Напугал. И не только их. Приезжала пожарная машина. Взрослые грозились уничтожить все штабы, но от огня никто, кроме самой «Ранетки», не пострадал, так что историю со временем забыли. Штабы никто не тронул. О том, кто был тем умником-поджигателем, ходили разные слухи. Каждый двор грешил на другой, но все подозревали, что бензин принёс Прохор – из VX2. Он всегда говорил, что не позволит построить в Городке ещё один штаб.

В прошлом году Максим и Аюна пробовали вступить в VX2. Ничего хорошего из этого не получилось. Их приняли, но внутрь не пустили. О том, чтобы подняться на берёзу, не могло быть и речи. Пришлось задуматься о создании собственного штаба.

Нужно было выбрать ещё не занятый двор. Стекляшка и Котёл сразу отпадали. Ходить там было страшно даже днём. Аграба считалась хорошим двором с красивой площадкой, но до неё было далеко. Выбор пал на Бутырку, на рохирримском наречии известную как Осгилиат. Гулять там было ещё опаснее, чем в Стекляшке, но в Бутырке таилось одно уютное местечко. Именно там ребята построили свой «Бурхан».

В центре Бутырки была заброшенная детская площадка. На старых, перекошенных качелях, на лавках и поваленных истуканах сидели старшеклассники. Пили пиво, лузгали семечки, слушали музыку из магнитофонов, одним словом, делали всё то, что в Бутырке делали и взрослые, только те собирались у подъездов. Кроме того, старшеклассники резались в карты, играли в ножички, дрались, иногда брэнчали на гитаре. О штабах они не помышляли. Максиму, Саше и Аюне это было на руку.

На окраине Бутырки, сразу за детской площадкой, начинался густой чепыжник. В это переплетение тальника, бирючины, пузыреплодника и таволги не забредали даже собаки. Чепыжник тянулся до угла между двух перпендикулярно стоявших домов. Щель между домами была до того узкой, что в неё и кошка бы протиснулась с трудом. Получился защищённый с двух сторон лес из кустарников. Ребята называли его Тайгой.

Со всех балконов туда сыпали мусор. Убирать его никто не хотел, и со стороны Тайга казалась застывшим взрывом на помойке. Все ветки были увешаны носками, арбузными корками, пакетами, овощными очистками, обмякшей бумагой и чёрными лентами из магнитофонных кассет. Саша называл эти кусты новогодними ёлками бомжа. Вместо праздничных звёзд на них красовались мусорные мешки, которые кому-то было лень нести до мусоропровода.

– Лучшего места для штаба не найти! – гордо заявил Максим.

Аюна и Саша не спорили.

Штаб решили поставить в самом углу, возле домов. Пробраться туда напрямик от детской площадки было невозможно. Оставалось два пути. Узкий коридор вдоль одного дома и тоннель под балконами второго дома.

Вечерами, прячась от других ребят, Максим, Аюна и Саша несли к Тайге картонные коробки, доски, мотки верёвок. На свалке за молокозаводом Саша нашёл ржавый лист жести, а Максим притащил с Ангары обгоревшую покрышку. Строительство продолжалось весь август. В ход шли гвозди, клей, строительная липучка. Ребята даже сделали вылазку к Неверхуду – из щелей панельного дома наковыряли поролонового уплотнителя.

Когда внешние стены «Бурхана» были оклеены полиэтиленом, а внутренние – старыми обоями, которые ребятам отдал Жигжит, Максим торжественно объявил строительство оконченным. Теперь в штабе можно было жить.

Получилась просторная коробочка два метра в ширину, полтора метра в длину и высоту. Дверь была без петель. Это была скорее съёмная стена, чем дверь. Ребята хотели следующим летом укрепить штаб кирпичом и после этого сделать на крыше настоящий люк, по примеру VX2.

Внутри были устроены четыре сидушки. Самая большая и удобная – на покрывшке, набитой поролоном. Две другие – на деревянных ящиках, найденных на помойке за рынком. Ещё одна была грубо сколоченной и хромящей на обе ноги лавкой. Под покрывшкой в землю был закопан тайник. Там хранили штабную амуницию: новенькие духарики из шприцев и напальчников, две рогатки, несколько пакетиков с водой, запас пульек и рябины. Самым ценным в тайнике было ружьё. У него был пластмассовый прицел, съёмный магазин на пятьдесят пульек и запасная, хорошо промасленная пружина. Саша и Максим купили его на общие деньги. Специально ездили в центр города, на *шанхайку*.

В штабе было уютно. Спрятавшись за его стенами, ребята чувствовали себя в безопасности. Весь странный, запутанный мир оставался снаружи. Внутри всё было просто и понятно.

*Эжин*ом, то есть хозяином, штаба был *белёк* – новорождённый щенок нерпы. Справа от двери в коробке из-под сандалий Аюна устроила алтарь. В центре алтаря поставила керамическую фигурку белька, назвала его Тюлькой. Рядом закрепила лампадку и складную иконку – их принёс Саша. Там же лежали цветные ленты от шаманского костюма, которые Аюна выпросила у Жигжита, и несколько вкладышей от жвачки Turbo, их положил Максим. Всё это размещалось на буддийском *хадаке* – голубом ритуальном шарфике, который пожертвовала в штаб Ирина Викторовна.

Заходя в «Бурхан» и покидая его, ребята делали подношения эжину – клали на алтарь конфетку, щепотку риса или сухарик. Раз в неделю Аюна выносила старые подношения к заливу у Байкальского тракта, высыпала их в воду. Конфеты, правда, брала себе и распределяла между ребятами.

– Зачем мы кладём подношения, если эжин их всё равно не ест? – спросил однажды Саша.

– Дурак ты, Людвиг. Конечно, ест. И очень доволен. Поэтому защищает. Пока мы в штабе, нас никто не тронет. Даже взрослые. Тюлька им не позволит.

– А если ест, почему они остаются?

– Кто?

– Конфеты!

– Потому что эжин съедает не саму конфету, а её дух. Неужели не понятно? Нам остаётся пустая оболочка. Она сладкая, но пользы в ней никакой нет. Это как... ну как овощи варить слишком долго, и все витамины из них выйдут.

На это Саше возразить было нечего.

Тоннель под балконами забаррикадировали. Навалили там всё, что не удалось прикрутить к штабу, и хорошенько присыпали землёй. Не удовлетворившись этим, набросали сверху битые кирпичи и стекло. Никто не должен был пройти к штабу с этой стороны. Остался лишь узкий проход вдоль другой стены. Проход выводил напрямик к Аргунскому ущелью, отделявшему торцы двух разных домов.

Проверив надёжность баррикады, подёргав ветки кустов, Максим с Сашей признали, что их штаб – самый скрытный и самый защищённый из всех штабов Солнечного. Даже к «Сопке» за Пятаком пробраться было проще, чем к «Бурхану», а там нужно было лезть через помойные овраги!

Фишкой «Бурхана» стала подробная карта всех дворов по эту сторону проспекта Жукова. Такой карты не было ни у кого. На ней были указаны не только дворы с названиями на всех

известных наречиях, но также штабы, подъезды с открытым чердаком, запасные тайники с пульками и карбидом, незаколюченные спуски в подвал, особо опасные зоны с крикливыми тётками, места обитания диких собак и многое другое.

Каждую неделю Максим с Аюной и Сашей отправлялись в разведку – собирали новые сведения для карты. Им довелось побывать даже в Темнолесье у детского сада и высчитать, в какие часы бабка Психоворон покидает своё Гнездо. С тех пор они ни разу не попадались ей на глаза и не слышали её пьяных окриков.

К следующему лету Максим надеялся расширить поиски и, быть может, отыскать легендарный «Авалон» – богатый, но давно утерянный штаб. Его построили ребята из детдома. Натаскали туда матрасов, простыней, одеял. По стенам висели мягкие игрушки, бусы, зеркала, картинки с упаковок от Dendy и Sega. Детдомовские ребята никому не говорили, где построен их штаб, а потом исчезли. Просто перестали приходить в Городок. Должно быть, их куда-то увезли. Тайна «Авалона» осталась нераскрытой.

Было много версий, где именно искать его. Кто-то говорил, что «Авалон» построили в подвале или на чердаке. Другие утверждали, что легендарный штаб стоит по ту сторону Байкальского тракта, за молокозаводом. Третьи указывали на малоисследованные переулки возле Сибэкспоцентра. Прошлым летом сразу три штаба: VX2, «Минас Моргул» и «Сопка» – объединились в Первый крестовый поход, целью которого было прочесать отдалённые дворы Солнечного. Они ничего не нашли, поругались, стали нападать друг на друга, и поиски закончились обыкновенной войной. О том, чтобы собрать Второй крестовый поход, пока что не было речи, но все понимали, что он необходим. На очереди были свалки и холмы за Байкальским трактом. Там поблизости было ещё одно китайское общежитие, и ходить туда небольшой группой боялись даже мордорцы.

Так далеко Максим, Саша и Аюна не заходили, но и в границах Солнечного им удавалось отыскать нечто ценное. Главной добычей в прошлом году стал большой ком строительной липучки, найденный в подвале тринадцатого дома. О нём никто не знал. Вынести его было невозможно, он весил не меньше тонны, и ребята довольствовались тем, что постепенно выщипывали из него небольшие порции. Лепили их везде, куда только дотягивались руки. Максим успел даже облепить стол в дедушкиной гостиной. За это ему влетело от мамы. Дедушка заставил соскребать всё ножом, а потом драить тряпками.

Хранителем карты был Саша. Максим завидовал ему и, чтобы уравниваться с ним в правах, объявил себя хранителем печати. Для такого дела стащил у мамы одну из печатей приюта, в котором она работала. После скандала и долгих нравоучений пришлось вернуть её и заменить самодельной – из картошки.

Аюна в свою очередь была хранителем хёлбого – маленького колокольчика с конной трости шамана. Она говорила, что нужно позвонить в него и произнести правильные слова, тогда на помощь придут добрые духи. Они укрепят стены штаба, сокроют его от глаз врага, а взрослых уведут в сторону, если те вдруг заинтересуются «Бурханом».

Держать карту в «Бурхане» Саша отказывался и всегда забирал домой. О её существовании и об открытии нового штаба было объявлено на Первом совете всех штабов. Он прошёл в Алькатрасе. Вожди впервые собрались вместе, чтобы договориться об основных правилах войны. После долгих споров, едва не закончившихся дракой, объявили Великое уложение. Договорились, что на штабы нельзя нападать после десяти вечера, когда большинство ребят расходится по домам. Нельзя воевать и в будние дни до часу дня, когда все сидят в школах. Хранителем Уложения назначили Артёма из «Сопки», больше известного как Бобёр. Он завёл тетрадь, куда внёс названия всех штабов, а также указал их фишки.

Тем же вечером Максиму устроили посвящение в вожди. Церемонию вёл Бобёр. По древнему обычаю Максим прошёл проверку «на пацана» и получил благословение вождей. Он встал посреди песочницы в окружении ребят. Вытянул правую руку тыльной стороной вверх.

Бобёр достал из кармана сигаретный окурочок. Оторвал от него папиросную бумажку, размером с горошину. Положил её Максиму на запястье и поджёг. Бумажка начала тлеть. Эта часть испытания называлась «проверкой на стукача». Максим сдавил зубы. Боль прожигала кожу, колючей пульсацией расходилась до плеча. Сёма из «Минас Моргула», Прохор из VX2, Леший из «Эдораса», Зорикто из «Баргузина», Джаник из «Сопки» и Митя из «Паслёна» – вожди основных штабов Солнечного – стояли вокруг Максима плотным кольцом. Обняв друг друга за плечи, сдавленно ухали:

– Пацан! Пацан! Пацан!

Бумажка продолжала тлеть. Над ней выкручивалась струйка серого дыма. Максим уже не чувствовал боли. Он и сам прищёпывал:

– Пацан. Пацан. Пацан.

Тление закончилось.

– Не стукач, – признали все.

Пришло время второго испытания. Бобёр смахнул пепел с руки Максима. Достал из кармана пластиковую палочку от чупа-чупса. Поджёг её. Крутил в пальцах, ожидая, когда она как следует разгорится. Затем поднёс к Максиму. Капнул расплавленной пластмассой в ту самую точку, где только что тлела бумажка. Боль резко вернулась. Максим вздрогнул, но удержал руку. Прошло несколько секунд. Пластмасса остыла, и Бобёр звонко ударил по запястью Максима. Следом ударил каждый из вождей. Это означало рождение нового вождя.

С этой минуты штаб «Бурхан» был окончательно признан врагом, с которым можно воевать и которому не зазорно проиграть. Покраснение на руке не сходило несколько дней. На ожоге вздулся мутный волдырь, но Максим гордился им, знал, что на его месте появится шрам, который в Солнечном называли «пацанской меткой». Такая была у каждого вождя.

Сидя в «Бурхане» на тронной крышке, Максим разглядывал свою метку, вспоминал тот день, когда прошёл посвящение, и слушал Аюну.

– Ты с ума сошла! – воскликнул Саша, когда узнал, зачем Аюна объявила красную тревогу.

– Помолчал бы, если трусишь! – возмутилась она.

– Ничего я не трушу.

– Вот и помолчи.

Саша скривился, но больше ничего не сказал. Снял запотевшие очки и принялся тереть их платком.

План Аюны, который она назвала «Смерть Саурону», в самом деле, грозил большими опасностями. Но Аюна знала, что Максим и Саша не откажутся от него. Возможность ослабить штаб мордорцев была слишком соблазнительной.

Саурон жив

– Ну что, согласны? – не унималась Аюна.

– Подожди. – Максим потуже затянул шарф. В штабе было холодно, несмотря на то что они осенью замазали щели клеем, облепили фанеру новым слоем картона. – Расскажи ещё раз, что там с Сёмой.

Аюна замерла и прислушалась:

– Хвоста не было?

– Чего? – не понял Саша.

– Не чего, а кого. Кто-нибудь шёл за вами?

– Нет.

– Давай про Сёму! – Максим чувствовал, что замерзает. Надо было надеть свитер.

Сёма. Вождь «Минас Моргула». Толстый, ходивший вперевалочку мальчишка. На самом деле его звали Сумбер, но весь двор называл его Сёмой. У него были тёмные, спелые щёки, над которыми чернели узкие бойницы глаз. Вздыбленная чёлка до половины прикрывала лоб, в остальном голова была бритой. Во рту у него всегда болтался кулак жевательной резинки.

– Значит, Сёма, – начала Аюна. – Я вчера придумала, как его ослабить. А заодно ослабить весь «Минас Моргул». То есть я уже давно придумала, но раньше у меня не было ширэ.

– Чего? – перебил Саша.

– Ширэ. Шаманский ящик. Мне папа подарил на Новый год.

– Ты не говорила.

– А ты не спрашивал.

– Как я могу спрашивать о том, чего не знаю?

– Да помолчите вы! – не выдержал Максим. – Аюн, говори нормально.

– Как я могу говорить и молчать одновременно?

– Началось. – Саша закатил глаза.

– Ох, Людвиг, напросишься ты у меня. – Аюна нахмурилась. Она всегда называла Сашу по фамилии, если злилась на него.

– Что ты предлагаешь? – Максим скрестил руки и дрожал. – Говори скорее, я тут мёрзну.

– Одеваться надо теплее, – огрызнулась Аюна.

– Аюн... – умоляюще протянул Максим.

– Ладно.

У Аюны было светлое, чуть вытянутое лицо. Щёки – по-бурятски налитые, красивые. Из-под меховой шапки с помпонами выбивались прядки густых чёрных волос.

– Так вот, ширэ. У папы есть такой же, только у него большой. Он там держит шаманские костюмы, маски, бубны хэсэ, конные трости морин хорьбо, хур и всё такое. У меня ничего этого нет. В моём ширэ только мешочек чабреца, онгоны, две шкурки белых мышей и несколько угольков с жертвоприношения.

– Не густо, – прошептал Саша.

– Ошибаешься, очкарик, – тут же ответила Аюна.

– Не называй меня так!

– А я и не называю.

– Только что назвала!

– Тебе слышалось.

– Прекратите! – шикнул Максим. Он теперь похлопывал себя по бокам и чуть раскачивался.

– Этого вполне достаточно, – продолжила Аюна. – Защитный обряд я, конечно, не проведу. Зато могу нарисовать зя.

– Какое ещё «зя»?

– Это как оберег, только наоборот. Он призывает несчастья. Зя, как крышка, накрывает семью, и боги не слышат ни их молитв, ни их обрядов. Понимаешь? Богам кажется, что в семье про них забыли, они обижаются и перестают помогать. Тогда на семью сваливаются всякие случайности, от которых раньше оберегали боги.

– Ты хочешь отомстить Сёме?

– Никому я не собираюсь мстить. Ничего ты не понял! Сёму накроет крышка...

– Это я понял.

– Ох, Людвиг, не нравишься ты мне.

– Да слушаю я, слушаю.

Аюна вздохнула, успокаивая себя.

– Зя спрячет Сёму от богов, и удача отвернётся от него. Может, он с Владиком поругается, и тот не будет им пульки покупать. Может, дворники вообще разберут их штаб. Ну или Нагибины переедут в другой район. Они вообще не отсюда.

– Да, они из Ниловки. Хорошо бы их туда забрали.

– Вот! – торжественно заявила Аюна. – Зя всё это устроит. Ну или не так явно. Может, у них там в «Минас Моргуле» эпидемия гриппа начнётся.

– Чудненько, – усмехнулся Саша.

– Ловко, – улыбнулся Максим. – Надо было раньше так сделать!

– Говорю же, раньше не могла.

– А как выглядит эта твоя зя?

– Она не моя. Это рисунок. Я уже всё сделала. Нужно начертить на мышьиной шкурке человеческую фигуру – вниз головой. Я чертила угольком от жертвоприношения, чтобы зя стала ещё сильнее. А когда рисуешь голову, нужно закрыть глаза и представить самое страшное, что с тобой случилось. Представить так, чтоб страх вернулся, чтоб ты весь задрожал, чтоб эта дрожь сама нарисовала голову фигуры.

– Что же ты представила? – поинтересовался Саша.

Максим был уверен, что Аюна опять вспыхнет, скажет что-то вроде «Не твоё дело, Людвиг!». Но вместо этого она вздохнула, пожалала плечами, а потом заговорила – так, будто Саша ни о чём не спрашивал:

– Нужно пронести зя в квартиру Сёмы.

– И как мы это сделаем? – удивился Максим.

– У меня есть план.

– Надеюсь, не сегодня? – протянул Саша.

– Ты что! – взвилась Аюна.

В её глазах мелькнул до того густой, глубокий страх, что Саша растерялся и лишь неуверенно пробормотал:

– Да мне сегодня в комнате надо убрать. А то мама не отпустит. Я же хотел завтра на горку... Кстати, пойдёте со мной?

– Нельзя, нельзя! – затараторила Аюна.

Она вскочила с сидухи и ударила головой о крышу.

– Ещё пара таких ударов, и от штаба ничего не останется, – заметил Максим. – Надо было не клеем замазывать швы, а бетоном.

Аюна даже не улыбнулась. Принялась торопливо объяснять:

– Зя нужно подбросить сегодня. Она ожива, я это чувствую. Если её правильно делаешь, она срабатывает как ловушка – затягивает злого духа и потом питается его энергией. Ночью дух выходит из неё в виде мёртвой женщины и виснет на потолке вниз головой. Вреда он не приносит, потому что слепой. Но шамана, который его поймал, видит. И если шаман не прошёл четырёх посвящений, он его съедает. А я ведь и первого посвящения не проходила. Рано ещё.

Если не подбросить зя, этой ночью мёртвая женщина меня съест. А ест она изнутри, начинает с ног. И внешне ты остаёшься нормальным, а внутри – пустой, как кукла.

Максим и Саша переглянулись. Им стало не по себе от таких рассказов. Максим даже согрелся и на мгновение перестал дрожать. Он жил в одной комнате с Аюной, и ему совсем не хотелось проснуться ночью от того, что по потолку, как таракан, ползёт мёртвая женщина.

– Он у тебя с собой? – прошептал Саша.

– Зя?

Саша кивнул.

– В кармане.

– Чудненько...

– Каков план?

Ребята склонились над картой дворов. Им хватило нескольких минут, чтобы обсудить и принять план Аюны. Договорились пока что разойтись, а через два часа встретиться под Алькатрасом. Максим хотел переодеться. К тому же он обещал зайти к дедушке, нужно было снять игрушки с новогодней ёлки. Старый Новый год давно отметили, близился февраль, и ёлка начала осыпаться.

У Саши было более ответственное задание. Ему предстояло навести порядок в комнате и запротоколировать итоги двадцать седьмого совещания в штабе. Записи он вёл в толстой тетради с твёрдым переплётом. Секретную информацию вносил шифром пляшущих человечков, который частично позаимствовал у Шерлока Холмса.

– Куда? – Аюна дёрнула Максима за рукав. Он уже открыл дверь и хотел выбраться наружу. – Забыл?

– Забыл...

Покопавшись в кармане, Максим нашёл две барбариски. Положил их перед Тюлькой на алтарь. Мысленно поблагодарил его за защиту и только после этого вышел из штаба.

Через два часа, как и договаривались, ребята подошли к Алькатрасу. Сейчас домик и его покрытая жестью горка пустовали. На улице было минус двадцать. Пахло колючим холодом. Если сильно вдохнуть носом, стенки ноздрей ненадолго слипаются. Снег мягко скрипел под валенками. По рябинам и деревянным истуканам белым налётом проросла куржуха⁴. Стекло чистое, небо было высоким и лёгким.

– Принёс? – заговорщицки спросила Аюна.

– Отец убьёт, если узнает, – ответил Саша.

– Принёс?!

– Да принёс, принёс. – Саша похлопал себя по куртке.

Во внутреннем кармане у него лежал баллончик с пеной для бритья.

– Тогда идём.

Опасаясь, что Сёма увидит их в окна и заподозрит неладное, ребята пошли в сторону Котла. До Сёминого подъезда от Алькатраса было метров тридцать, но прямой путь не предвещал ничего хорошего.

Ребята спустились к рынку, издали поглядывая на заваленный сугробами «Эдорас». Вышли к Кораблику – длинному кирпичному дому, за пределами Рохана больше известному как Навуходоносор. По улице Ржанова дошли до Неверхуда. Отсюда был виден тринадцатый дом, куда Саша ходил на кружок по керамике. Обогнули Пустырь, прошли заснеженный Тролегор – в опасной близости от границ Мордора. Перебежками, прячась под балконами первых этажей, одолели участок тропы, с которого просматривался «Баргузин», проскочили Вонючее ущелье и наконец оказались у подъезда Сёмы.

⁴ Куржуха (коржуха) – крупный иней на деревьях, косматая изморозь, покрывающая деревья или другие поверхности (стены, столбы, лавки).

Задыхаясь от волнения и стараясь не шуметь, открыли дверь. Первый этаж был затянут тёплой, влажной дымкой. Лестницу, перила и стены покрывала ледяная корка. Дымка была весьма кстати. Ребята боялись, что Сёма или его мама, Гэрэлма Зоригтуевна, посмотрят в дверной глазок.

Прислушиваясь к каждому шороху, прокрались на второй этаж и дальше поднимались уже спокойнее.

На пятом этаже, за дверью, обитой коричневым дерматином, жила Арина Гарифовна – учительница географии из двадцать второй школы. Она хорошо знала Сёму и недолюбливала его, как, впрочем, и всех соседей-бурят. Аюна придумала воспользоваться этим.

Максим торопливо разжевал жвачку. Сделать это было непросто, так как она успела одеревенеть на морозе. Похвастал перед Сашей новым вкладышем Turbo, затем старательно залепил жвачкой дверной глазок Арины Гарифовны.

Саша достал баллончик. Встряхнул его и большими белыми буквами вытянул на стене: «Саурон жив». Это был лозунг «Минас Моргула», чьи приспешники писали его на асфальте, партах, тетрадах и в учебниках, за что не раз получали взбучку от учителей. Расчёт был точным.

Аюна тем временем одобрительно кивнула Саше. Вынула из кармана стеклянную банку. Замахнулась. Подмигнула Максиму и со всей силы бросила её в угол. Грохнуло так, будто столкнулись две машины. Осколки разлетелись по всей площадке. Эхо пролетело по подъезду, лёгким паром вырвалось на улицу.

Ребята замерли. Затаив дыхание, прислушивались. Из квартиры Арины Гарифовны донеслись голоса, и тут же щёлкнул замок в двери. Ребята ломанулись вниз. Саша, проскользнув по лесенке и едва не упав, выронил баллончик. Подбирать его не было времени.

С топотом промчались по этажам. Замедлились только на ледяной корке первого этажа. Выскочили из подъезда. Кто-то должен был остаться под лестницей у Сёминой квартиры. Нужно было убедиться, что Арина Гарифовна пришла ругаться с его родителями. Аюна надеялась, что разъярённая учительница уведёт Сёму с его мамашей наверх, чтобы показать им место преступления. Остаться в подъезде никто не хотел. Ещё в «Бурхане» решили, что выбор сделают по жребию, и теперь дрожащими руками под торопливое «комане-борбане эй-зи-ко!» выбросили два «колодца» и «ножницы». Проиграла Аюна.

– Чудненько, – прошептал Саша.

Аюна хотела что-то сказать ему в ответ, но вместо этого вздохнула и быстрым шагом вернулась в подъезд. Саша с Максимом перебежали в Вонючее ущелье, затаились там возле изгороди. К счастью, зимой ущелье было не таким уж вонючим.

Долго ждать не пришлось. Вскоре они увидели, как из-за угла машет Аюна.

– Сработало! – громко и взволнованно зашептала она, когда Саша и Максим переметнулись к ней. – Даже лучше, чем хотели! Гарифовна полподъезда подняла и с криками примчалась к Цыдыповым.

Уже перегрызлась с Гэрэлмой. Та говорит, Сёма в ванной лежал. А та говорит, значит, это его дружки, потому что такую дурость только они пишут. Сёму из ванной вытащили и поволокли наверх разглядывать пену.

– Так чего мы ждём? – занервничал Саша.

– А ничего! – Аюна так развеселилась, что не стала ему грубить. – Побежали!

Как и предписывал утверждённый в «Бурхане» план, Саша встал в подъезде «на шухере» – слышав, что Цыдыповы спускаются, он должен был выскочить на улицу и предупредить друзей.

Максим с Аюной подошли к окну первого этажа. Форточка была открыта. Большого и не требовалось. Это был прямой вход в комнату Сёмы.

– Сними пуховик, – прошептал Максим.

– Это зачем? – удивилась Аюна.

– В форточку не пролезешь, да и порвёшься вся.

– И правда, – согласилась Аюна.

Сбросила куртку. Помедлив, стянула и свитер, отдала его Максиму. Осталась в красной футболке и синей поддёвке. Аюне сразу сделалось зябко. Приплясывая на месте, она вытащила из куртки короткий свёрток – весь обвязанный цветными нитками и верёвочками.

– Зя? – спросил Максим.

– Угу. – Аюна кивнула. – Давай!

Максим встал под окном. Нагнулся, подставляя спину. Не успел спросить, сможет ли Аюна взобраться, как она вспрыгнула на него, словно кошка, заметившая поблизости собаку. Максим охнул. Упёрся руками в заиндевевшую стенку цоколя. Почувствовал, что упадёт, хотел сказать об этом, но тяжесть на спине вдруг пропала. Выпрямившись, он увидел, что Аюна стоит на внешнем подоконнике и обдирает с форточки комариную сетку.

– Ох и влетит нам, если что... – Максим качнул головой.

Зелёная сетка спикировала вниз, и Аюна стала подтягиваться, неловко скользя ботинками по стеклу.

Максим боязливо оглядывался по сторонам. Радовался, что их отчасти прикрывает балкон. Когда в следующий раз посмотрел на Аюну, она уже была внутри.

– Что там? – громко прошептал Максим.

– Тепло, – отозвалась Аюна.

– Спрятала?

– Тихо ты!

У Максима дрожали руки, он не знал, от чего больше – от страха, от холода или от любопытства. На мгновение он даже разозлился на друзей. Они-то спрятались в доме, а он стоит тут на открытом месте, и его могут схватить в первую очередь. Чтобы хоть как-то унять дрожь, Максим дотянулся до наличника и, подтягиваясь на нём, стал прыгать на месте – так смог мимолётно заглядывать в окно и заодно согреться.

Всё, что он видел в комнате, разбилось на отдельные картинки.

Вот Аюна шарит по столу Сёмы. Должно быть, ищет какие-нибудь записи по штабу. «Может, у мордорцев есть своя карта. Интересно было бы взглянуть». Вот она распахнула шкаф. Опять чего-то ищет. Кровать у Сёмы не заправлена, одеяло свешивается на пол. На старом полинявшем диване разбросаны картриджи от Sega.

Вот Аюна стоит посреди комнаты. Не знает, куда спрятать зя. Максиму стало жаль Сёму. Теперь ночами с его потолка будет свисать мёртвая женщина. Но Аюна сказала, что они никогда не увидят друг друга. Сёма может чихнуть, если встанет с кровати так, что волосы духа прощекочут ему лицо, но не более того.

Вот Аюна опустила на колени. Теперь её не видно, как ни прыгай. Максим запыхался. Стало жарко. Он подумал, что Аюна прячет зя под ковёр, и мысленно с ней согласился – хорошее место. Ещё можно было прилепить за постером Демо. «Неужели Сёма слушает такую музыку? Хорош Саурон...»

Вот Аюна встала. Улыбается. Значит, спрятала.

Вот она идёт к окну.

Вот за ней открывается дверь.

За порогом, в коридоре, стоит мужчина в тельняшке и разношенных кальсонах. Это Чимит Сергеевич – отец Сёмы.

Аюна!

Максим повалился на землю. Вжался в стенку цоколя. Перед ним замерцали цветные искры. Сердце смёрзлось и глухими ударами колотилось в груди.

Услышал, как вскрикнула Аюна.

«Поймали! Нам конец!» – замельтешило в голове у Максима. Так и подмывало броситься прочь от подъезда, через весь Городок мчаться домой. Аюне всё равно не помочь, она погибла. Максим привстал, с надеждой посмотрел на Алькатрас и тут же осадил себя: «Нет! Никуда ты не побежишь». Максим знал, что никогда не простит себе бегства, но страх липкими пальцами выщупывал под рубашкой живот и подмышки. Неизвестно, чем бы закончились эти терзания, но тут Максим услышал разговор:

– Юнка, ты что ли?

– Я, дядя Чимит. Дядя Чимит, не держите меня, мы же только играем. Дядя Чимит...

– Да никто тебя не держит, чего пищишь-то? В форточку что ли залезла?

– Дядя Чимит, мы только играем.

– Мы? Ты что, не одна тут?

– Одна!

Максим не стерпел. Встал. Хотел подпрыгнуть – показать себя, крикнуть, что замешан во всём этом, что Аюна не одна. Но так и не осмелился. Замерев, слушал.

– Дядя Чимит, пустите меня.

– Да господи, что ты заладила-то? Говорю же, не держит тебя никто. Ты что ли там с Сумбером стену разукрасила?

– Можно я пойду?

– Ну вы даёте, конечно. Стой! Опять в форточку? Давай уж через дверь. Убьёшься ещё.

– Не могу. Не говорите Сёме... то есть Сумберу. Не говорите, что я тут была, а то игры не получатся.

– Ладно, ладно. Подожди, я хоть окно тебе открою. А ты как без куртки-то?

– Так она на улице. Спасибо!

Максим отошёл от стены. Он теперь стоял смелее, даже поздоровался с дядей Чимитом. Тот, содрав со швов утеплительные ленты, распахнул внутренние, а затем и внешние створки.

Спрыгнув в снег, Аюна быстро оделась. Подняла лежавшую поблизости комариную сетку и протянула её наверх:

– Дядя Чимит...

– Да-да, починю.

– И...

– И никому не скажу. Только в следующий раз выбирайте игры поспокойнее. А то Гарифовна раскричалась, аж собаки завывли.

– Дядя Чимит, вы душка!

Чимит Сергеевич в ответ рассмеялся. Аюна и Максим переглянулись, улыбнулись друг другу и помчались в Городок, к Алькатрасу.

Чимит Сергеевич был совсем не похож ни на свою жену, сварливую Гэрэлму, ни на своего пакостного сына Сёму. Ребята из Городка и ученики двадцать второй школы, где он работал сторожем, любили дядю Чимита. Даже поговаривали, что он вовсе не из Цыдыповых, а только живёт с ними. «Должно быть, проспорил», – говорил Коля из Бутырки.

У дяди Чимита была на удивление маленькая, к тому же наголо выбритая голова. Лицо – тёмное, со светлым пятном на щеке. А руки – большие, мускулистые. Дядя Чимит был бухэ, то есть силач. Он ездил в Улан-Удэ на соревнования по *бухэ барилдааһу* – бурятской борьбе. Ездил и в село Хойтогёл, под гору Алтан-Мундарга, на соревнования по хээр шаалгану – ломанию хребтовой кости. Услышав об этом впервые, Максим ужаснулся. Представил, как дядя Чимит с кровожадными криками ломает хребет несчастному барану. Но мама объяснила ему, что на хээр шаалгане ребром кисти бьют по уже очищенной от мяса косточке. «Всего-то?» – расстроился Максим. Косточка представилась ему прямо-таки куриной. Мама убедила его, что сломать хребтовую кость трудно, пусть выглядит она тонкой и хрупкой. Мечтой дяди Чимита было переломить знаменитую Окинскую кость – с ней никто не мог управиться с 1989 года. Но

добраться до неё было непросто. К кости допускали после высокой денежной ставки, а Гэрэлма так просто не давала мужу ни копейки.

Дядя Чимит любил пугать детей из младших классов шрамами на бицепсах. Говорил, что у него мышцы лопнули, когда он на спор где-то в Кижигинском районе руками раздавил голову барана. Максим вспоминал эти страшные шрамы, когда Аюна дёрнула его за рукав. Они уже спускались от Котла к рынку.

– Ты чего?

– Людвиг!

Максим застыл на месте и даже приоткрыл рот.

– Сашку, Сашку забыли! – Аюна продолжала дёргать Максима за рукав, словно это могло чем-то помочь.

О том, что случилось с Сашей, ребята узнали лишь на следующий день, когда после школы вновь собрались в «Бурхане». Они учились в разных школах: Аюна и Максим – в сорок седьмой, Саша – в двадцать второй. Так что обсудить что-либо на перемене они не могли.

Саша ждал в подъезде до последнего. Был уверен, что Аюна застряла в комнате. Понимал: если её поймут – заподозрят в воровстве. Услышав, как спускаются Цыдыповы, он выскочил на улицу предупредить об опасности. Под окнами никого не было. Саша решил, что Максим полез в комнату вслед за Аюной. Стал присвистывать и громко шептать, но никто не откликнулся. Подпрыгнул, заглянул в окно, но почти ничего не увидел. Он был на голову ниже Максима. Не зная, что делать, Саша ринулся назад, в подъезд. Решил во что бы то ни стало задержать Цыдыповых на пороге.

Саша уже и не помнил, какие глупости говорил Гэрэлме. Это не помогало. Она просила его не мешаться под ногами. Тогда Саша заявил, что именно он испачкал стены на пятом этаже.

– Зачем? – удивилась Гэрэлма.

– Чтобы насолить вашему Сёмке.

Саша нарочно говорил грубо. Его не испугало даже глубокое, злобное сопение, раздавшееся из-за спины женщины. Там стоял Сёма. Он только что плакал и не хотел, чтобы Саша увидел его заплаканные глаза. Сёму успели отругать всем подъездом, и теперь он шёл за ведром и тряпкой, чтобы смыть пенную надпись.

– Зачем же ты вернулся? – Гэрэлма сомневалась в Сашиних словах.

– Я... – Саша растерялся, помедлил, но тут вспомнил: – Баллончик! Я уронил баллончик. Отец убьёт, если я не верну.

Теперь Гэрэлма поверила. Раскраснелась, рассвирепела. Стала дёргать Сашу за куртку – чуть ворот не оторвала. Повела его наверх, к Арине Гарифовне. Сёма, не переставая сопеть, понёсся впереди, с прытью, удивительной для его телосложения, перескакивая через ступеньки. Саша был уверен, что спас друзей – теперь у них будет достаточно времени, чтобы выбраться из квартиры.

– Вот так, – закончил рассказ Саша.

– А дальше чего было? – спросила Аюна.

– Чего-чего... Заставили всё мыть. Осколки собирать. Потом Гэрэлма меня за ухо через весь Городок к дому вела. И Сёма ошивался вокруг. Говорил, что на щепки разнесёт наш «Бурхан».

– А Гэрэлма?

– А она ещё баллончик выбросила, чтоб мне от папы больше досталось.

– Гадюка, – прошептала, скорее даже прошипела Аюна, словно сама обернулась змеей.

– Ну мне и досталось. Кое-как сидел сегодня. Это хорошо, что папа снял с ремня пряжку.

Потом ещё два часа в углу стоял. Теперь телевизор на неделю запретили.

– Сашка! – Аюна неожиданно обняла Сашу. – Спасибо тебе. Ты молодец. И прости, что я тебя Людвигом называю.

– Да ничего, – пробубнил Саша.

Даже в полумраке штаба было видно, что он покраснел – на его худом тёмном лице выступили ещё более тёмные полосы.

– Вообще это моя фамилия, так что ничего.

Максим злился. На всё и на всех сразу. На Аюну с её мёртвыми женщинами, из-за которых Саше влетело от отца – а Максим знал, что Рудольф Арнольдovich бывает очень строг. На Сашу, который зазря подставился и навлек на них войну с «Минас Моргулом». Но больше всего он злился на самого себя – за свою трусость, которую испытал под Сёминым окном. Никто о ней не узнал, но легче от этого Максиму не было. Он-то помнил тот порыв – убежать, спрятаться дома. Максима всего передёргивало. Он обнаружил в себе червоточину и не знал, как от неё избавиться. Вчера вечером, стоя под душем, с силой тёр себя мочалкой, словно так мог очиститься от неприятного осадка.

– Я тобой недоволен, – сказал Максим своему отражению в зеркале. Ещё долго, хмурясь, смотрел на своё круглое лицо, короткие светлые волосы, едва заметные конопушки на щеках и гладкий шрам на подбородке. Затем добавил голосом эмчи-ламы Дондакова: – Будем работать над этим.

За ужином Максим заявил маме:

– Хорошо бы меня выпороть крапивой. Это помогло бы.

Ирина Викторовна едва не поперхнулась и потом ещё долго расспрашивала Максима о его делах в школе и самочувствии.

– Мы шли вместе, – тихо шептал он себе перед сном – так, чтобы не услышала сестра, – значит, и погибать должны были вместе. Надо было не бежать, а встать и громко сказать, что Аюна тут не одна, что я тоже виноват и пойду на плаху вместе с ней.

– Ты чего там бормочешь? – возмутилась Аюна со второй кровати.

– Мантру, чего ещё.

– Это какую?

– А какую надо, – сказал Максим и отвернулся к стенке.

Утром, за столом, он был таким грустным, что мама заставила его выпить «Бонгар-5» – тибетское лекарство от простуды.

– Хватит киснуть! – Аюна видела, что её сводный брат подавлен, и задорно ткнула его в бок. – Киснуть можно в школе и дома. Нечего пачкать «Бурхан» своей чёрной энергией.

– Да не кисну я, – отмахнулся Максим и посмотрел на Сашу. – Просто думаю.

– О чём?

– О том, что нужно готовиться к войне.

– Это факт! – обрадовалась Аюна.

– Думаешь, Сёма пойдёт в атаку? – спросил Саша. Он чувствовал себя виноватым.

– Да пусть хоть весь штаб сюда ведёт! – крикнула Аюна. – Никто ещё не приближался к «Бурхану» на расстояние выстрела!

– Тише ты, – усмехнулся Максим. – Я позвоню Косте. Нужно следить за Мордором. Пусть он постоит в карауле, а мы пока всё подготовим.

Костя был одноклассником Максима и Аюны. Они взяли его в штаб, потому что Костя был известным пироманом. Его стихией были петарды и фейерверки. Лучшего союзника было не найти. Единственной проблемой было то, что он жил на другой стороне проспекта Жукова и не часто приходил в Городок. Но сражение с «Минас Моргулом» он, конечно, не захотел бы пропустить.

– Итак, война! – провозгласил вождь.

– Война! – отозвались его воины.

Письмо. 10 февраля

Приписка сверху:

«Мама зашла в комнату. Как всегда, без стука. А сама просит стучать. И не входить, если она *медитирует*. Увидела, как я подписываю конверт, и, кажется, поняла, что я пишу кому-то письма».

Стрелка уводит на оборотную сторону листа. Там сверху приписано таким же мелким почерком:

«Но она никогда не догадается, кому я пишу. Вот бы удивилась, если б узнала! Ну всё, пока. Чтобы написать это, пришлось вскрыть конверт. Сейчас буду его опять заклеивать».

«Привет.

У меня всё как обычно. Мой дядя Филипп, это тот, что живёт во Франции с тётёй Таней, учит русский язык. И на Новый год прислал нам открытку, потому что сам приехать не смог. У них там Новый год не отмечают. И написал в открытке: “Мои дела – кака бычна”. Мы все долго смеялись. Тебе, наверное, тоже было бы смешно. В следующий раз обязательно приезжай на Новый год. Пельменей было столько, что мы всё не съели. А тётя Таня уже не приедет. Она беременна и летом будет рожать.

А ты знаешь, как рожают шаманки? Мне вчера Аюна рассказала. Они сами разрезают себе живот, вынимают трёхмесячного ребёнка и зарывают его в золу. Там он должен дозреть. А если так не сделать, он превратится в комок чёрных светлячков. И рожать придётся светлячками, а ребёнка не будет. Ещё Аюна говорит, что женщина должна снять свою голову, поставить её себе на колени и так сесть возле золы с малышом. Петть песни и искать у себя в волосах вшей. Ну, в это я не очень верю. Правда, Аюна говорит, что так рожают только чёрные шаманки. Отец у неё – белый шаман, а она хочет быть чёрной, только не говорит ему об этом. Это тайна.

Я бы не стал жениться на шаманке, это точно. Страшно подумать, что она будет рожать вот так – без головы и в золе. Представляю, что бы сказал на это дедушка.

Ещё у Аюны есть родовая яма. Где она находится – большая тайна, и Аюна никому не говорит. Тот, кто узнает, где её яма, получит над ней власть. Она дочь шамана, а за такими людьми охотятся злые духи. Хотят прогнать из них душу и занять её место и так сделаться очень сильными. Но шаманов защищает родовая яма.

Они как родятся, отдают взрослым свой послед. Аюна говорит, что это такой мешок, в котором появляются все дети. Я спрашивал у мамы, где мой послед, а она сказала, что это только у бурятов бывает, а у меня такого не было, и вообще, нечего всякие глупости спрашивать. Жаль. Так вот, послед Аюны положили в берестяную коробку, присыпали зерном и углями. Положили туда *чароитовый*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.